

мья — мать и племянница, дочь покойного старшего брата (II, 240). Однако жизнь Калатузова оказалась навсегда связанной с Самарою. В 1860—1861 гг. он все еще при семинарии, в которой «несколько лет был преподавателем»;⁶ в январе 1862 г. его бывшая невеста вышла замуж за его однокурсника и коллегу по Самаре В. В. Лаврского (III, 729), и имя Калатузова исчезло из переписки. Он «в 1863 г. вышел из духовно-училищной службы и поступил на должность секретаря самарской консистории»,⁷ каковую занимал до самой смерти.⁸ Несомненно, Достоевский в Самаре ему и писал.

В 1864—1865 гг. в «Эпохе» появились две его статьи о расколе. На эту тему он в «Самарских епархиальных ведомостях» опубликовал еще две работы: «К истории верований и нравов наших сектантов» (1867, № 10) и «О монтанской секте в с. Дубовом Умете» (1870, № 16, 18, 19, 21, 23).

В мае 1871 г. Калатузов в Петербурге, где выступил посредником в затянувшемся споре Н. С. Лескова и В. В. Кашпирева о публикации в «Заре» романа «Божедомы».⁹

На статье «Наша епархиальная литература» («Современность». 1873. № 1) его творческая деятельность, если не считать некролог своему преосвященному («Самарская газета». 1891. № 10), прекратилась.

К 1892 г. Калатузов в чине коллежского советника и награжден тремя не очень крупными орденами.¹⁰

Скончался он в Петербурге 19 октября 1893 г.¹¹ (в Полном собрании сочинений Достоевского даты его жизни не отмечены — 28₂, 570). «Вы, — писал В. В. Лаврскому протоиерей А. Преображенский, — очень метко определили служебное качество покойного словом „нейтральный“; как добрый человек он всем был человек».¹²

Л. М. РЕЙНУС

О ПЕЙЗАЖЕ «СКОТОПРИГОНЬЕВСКА»

Пейзажи петербургских романов Достоевского отличает тесная связь с топографией реального города, насыщенность топографически достоверными деталями («реквизитом», по Д. С. Лихачеву).

«Подлинность сцены поддерживает ощущение подлинности действия, — подчеркивает Д. С. Лихачев. — Произведения Достоев-

⁶ Всемирная иллюстрация. С. 405.

⁷ Знаменский П. История Казанской духовной академии. . . С. 387.

⁸ См.: Всемирная иллюстрация. С. 405.

⁹ См. письмо Н. С. Лескова П. К. Щербальскому от 17 мая 1871. — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940, с. 318. Идентифицируется ввиду редкой фамилии, связи Калатузова с Петербургом и его тяготений к литературе православного направления.

¹⁰ См.: Знаменский П. История Казанской духовной академии. . . С. 387.

¹¹ См.: Всемирная иллюстрация. С. 405.

¹² Письмо от 24 октября 1893 г. — Науч. б-ка Томск. гос. ун-та, архив Г. Н. Потанина, л. 1087 сквозной пагинации.

ского рассчитаны на это ощущение доподлинности и поэтому переполнены „реквизитом“ < . . . >. Достоевский нуждался в этом „реквизите“ не только для того, чтобы убедить читателя в реальности создаваемых им событий, но также, чтобы убедить в них себя самого». ¹

В качестве примера топографической точности описания обычно приводится пейзаж в романе «Преступление и наказание», частом предмете литературных экскурсий. ² Но анализ и этого произведения показывает, что городской пейзаж в нем не идентичен реальному. Правомерен сделанный вывод, что «скрупулезный топографизм, присущий очерку и роману 40—60-х годов, был чужд Достоевскому». ³ Для изучения творческого использования пейзажа, его элементов особый интерес представляет последний роман писателя «Братья Карамазовы».

Действие этого произведения происходит в небольшом уездном городе. Касаясь причин, побудивших писателя избрать новое место действия, Г. М. Фридлиндер пишет: «Достоевский переносит действие из Петербурга в провинцию для того, чтобы показать, что те болезненные социально-психологические процессы, которые он обрисовал в своих романах 60-х годов, перестали быть „привилегией“ Петербурга, что они усилились и охватили в большей или меньшей степени всю страну < . . . >. Достоевский отчетливо видит, что в России не осталось ни одного самого тихого уголка, где бы не кипела скрытая борьба страстей и не ощущались с большей или меньшей силой напряженность и острота поставленных жизнью вопросов». ⁴

Теперь общепризнано, что в уездном городке Скотопригоньевске, где происходит действие романа, воплотились многие черты Старой Руссы, куда Достоевский регулярно приезжал в последний период своей жизни (1872—1880) и где в 1876 г. купил дом, в котором было написано более половины «Братьев Карамазовых». В Полном собрании сочинений Достоевского можно прочесть: «Самое название городка — Скотопригоньевск — навеяно старорусскими впечатлениями < . . . >. В романе использованы не только впечатления и подробности старорусской жизни писателя, но также детали планировки и облик самого городка» (15, 404).

Касаясь важной роли каждодневных впечатлений как источника познания действительности, Г. М. Фридлиндер говорит: «Каждый человек живет в определенной, более или менее узкой, непосредственно окружающей его среде. И вместе с тем через нее он связан со всей действительностью, с миром, человечеством». ⁵

Достоевский вел в Старой Руссе замкнутый образ жизни. Тем большее значение приобретали для познания города, его обитателей

¹ Лихачев Д. С. В поисках выражения реального. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 5—6.

² См. например: Холшевников В. Е. Федор Михайлович Достоевский. // Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1968. С. 487—491.

³ См.: Купман К. А., Конечный А. М. Наблюдения над топографией «Преступления и наказания» // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1976. № 2. С. 180—190.

⁴ Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 328.

⁵ Фридлиндер Г. М. Поэтика русского реализма. М., 1971. С. 117.

прогулки, которые он совершал, отвлекаясь от напряженной работы над своими произведениями. Обратимся к двум его ежедневным маршрутам.

«Окончив диктовку и позавтракав со мною, — вспоминает А. Г. Достоевская, — Федор Михайлович < . . . > во всякую погоду, в половине четвертого, выходил на прогулку по тихим пустынным улицам Руссы. Почти всегда он заходил в лавку Плотниковых (П. И. Плотникова, — Л. Р.) и покупал только что привезенное из Петербурга (закуски, гостинцы), хотя и в небольшом количестве».⁶

Выйдя из дома, Достоевский по набережной реки Перерытыцы направлялся к торговому центру города. На другой стороне реки, так называемой Соборной стороне, был виден дом, в котором жила его знакомая, Грушенька Меньшова, послужившая прототипом карамазовской Грушеньки.⁷ Дорога шла мимо трактира «Эрмитаж», находившегося близ него Скотопригонного рынка, на Торговую площадь с ее арками Гостиного двора. Пройдя площадь, писатель подходил к цели своего путешествия — лавке купца 2-й гильдии П. И. Плотникова.⁸

Второй маршрут был иным. Известно, как романист стремился быть в курсе текущих событий, откликами на которые являлись его произведения, какое большое значение он придавал ежедневному чтению газет и журналов. « . . . получаете ли Вы какие-нибудь газеты, читайте, ради бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видима связь всех дел, общих и частных, stanovится все сильнее и явственнее», — призывал он читателя (28₂, 223). Из письма к своей сестре В. М. Ивановой видно, каким весомым доводом в пользу того, чтобы избрать Старую Руссу местом своего летнего отдыха, было то, что в ней есть « . . . воксал с газетами и журналами. » (29₁, 235). Живя на даче, несмотря на занятость, он считал для себя обязательным посещение курортного «воксала». «Мне решительно некогда ходить в гости < . . . > Некогда даже и гулять. На минутку забегаю лишь читать газеты», — сообщает писатель жене (29₁, 247). Проследим его обычный путь к курорту.

Дом Достоевских стоял на углу набережной реки Перерытыцы и Мининского переулка. Если к торговому центру надо было идти по набережной, то к курорту, как свидетельствует старорусский сосед Достоевских П. П. Гайдебуров, предпочитали направляться « . . . через Малашкин ручей. . . »⁹ (старое, заболоченное русло реки Порусьи — «Малашку»). Писатель, выйдя из калитки своего дома, поворачивал направо за угол — в Мининский переулок и, пройдя по нему вдоль забора своего сада, занимавшего « . . . квартал позади

⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 272.

⁷ См.: Рейнус Л. М. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых» // Рус. лит. 1967. № 4. С. 143—146.

⁸ Топографическую привязку мест, связанных с пребыванием писателя в Старой Руссе, см.: Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, план в конце книги.

⁹ Скарская Н. Ф., Гайдебуров П. П. На сцене и в жизни. М.; Л., 1959. С. 246.

дома. . .»,¹⁰ выходил к «Малашке». «. . . отравленное ее дыханье. . .»¹¹ чувствовалось на расстоянии. Перейдя речку, романист оказывался в тылу, «на задах» домов, выходявших фасадами на Дмитриевскую улицу. Свернув с Дмитриевской (в романе Дмитровской) в ближайший (Дмитриевский) переулок, Достоевский выходил на Ильинскую улицу; не у входа в курорт, а ранее — там, где к ограде курортного парка подступает соленое озерко (вспомним «Озерную улицу» романа).

Соответственно этим двум маршрутам прогулок Достоевского в пейзаже «Скотопригоньевска» отчетливо прослеживаются две основные группы объектов. Одна из них, привязанная к центру города, — трактир «Столичный город», дом купчихи Морозовой с флигелем, в котором живет Грушенька Светлова, базарная площадь с «аркадами городских лавок», лавка Плотниковых, «почти через один только дом» от нее — жилище чиновника Перхотина, переулком от площади — дом мальчика Смурова, товарища Коли Красоткина, и далее — самого Красоткина.

Вторая группа включает прежде всего расположенный на месте дома писателя дом старика Карамазова, соседний участок, пустынный переулок, огороженный с одной стороны «. . .крепким высоким забором, обходившим кругом сада Федора Павловича» (14, 353) и выходящий «. . .на мостки через нашу вонючую и длинную лужу, которую у нас принято называть иногда речкой» (14, 91). У мостика через речку происходит сражение мальчишек с Илюшей Снегиревым. Судя по заметкам А. Г. Достоевской, по обе стороны от речки (канавки) писатель поместил Михайловскую и Большую улицы,¹² на которых живут г-жа Хохлакова и Катерина Ивановна. Через «зады», примыкающие к вонючей речке, пробирается пьяная компания, увидевшая спящую Лизавету Смердящую, их не минуют в своих «путешествиях» Алеша Карамазов, Дмитрий, пробирающийся в роковую ночь к дому отца. Прежде чем миновать «зады», он «. . .пробежал Дмитровскую улицу. . .» (14, 352). На Озерной улице (вспомним соленое озерко у Ильинской улицы) живет отставной штабс-капитан Снегирев, недалеко от нее, в переулке, снимает квартиру Дмитрий Карамазов.

Налицо связь пейзажа «Скотопригоньевска» с тем повседневным, что видел Достоевский в своих прогулках по Старой Руссе. Но распоряжается увиденным писатель по-своему, так, как этого требуют идейно-художественные задачи романа.

---

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же.

¹² «. . .выйти в Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отделяющуюся от нее лишь канавкой. . .» (14, 160). К этому месту романа А. Г. Достоевская сделала примечание: «Федор Михайлович говорит про Старую Руссу, где много канавок или одна речка „Малашка“, которая обратилась в грязный ручей и обходит местность, где стоит наш дом» (ИРЛИ, ф. 100. № 29604—602. ССХ. С. 41—42).

В первой группе реалий (по маршруту к центру города) мы не находим реки Перерытыцы, на берегу которой стоял дом самого Достоевского и могли жить некоторые из героев романа. Река отделяла тихую Соборную сторону, на которой жила Грушенька Меньшова, от шумной Торговой площади. В произведении же дом купчихи Морозовой, у которой во флигеле живет «деловая» Грушенька, оказывается «. . . в самом бойком месте города, близ Соборной площади. . .» (14, 310). Нет в «Братьях Карамазовых» и речки «Малашки» в месте ее впадения в реку Перерытыцу. В Старой Руссе она отделяла трактир «Эрмитаж» от площади. Исключив ее из пейзажа «Скотопригоньевска», писатель поставил трактир «Столичный город» на самой площади. Дмитрий Карамазов выводит за бороду Снегирева прямо на площадь, а его дебоши в этом трактире получают особенно широкую огласку.

Иначе обстоит дело со второй группой реалий, включающей район от усадьбы Достоевского до Минеральной улицы. В этом районе происходят важнейшие события романа. О многих из них мы узнаем, путешествуя с Алешей Карамазовым. Событий много, много и маршрутов. И писатель с большим искусством варьирует знакомые ему пути-дороги, то полнее их раскрывая, то упоминая о них лишь частично, то вообще досочиня новые. В результате небольшой по существу район реального города в «Братьях Карамазовых» отнюдь не кажется маленьким, чему еще способствует и введение Михайловской и Большой улиц, о реальном прообразе которых можно лишь строить более или менее реальные предположения.

Характерной чертой пейзажа этого района является явно или незримо присутствующая здесь речка с прилегающей к ней местностью. Ее присутствие в происходящих сценах создает впечатление каких-то задворок, вносит элемент ущербности, неполноценности. И романст отлично это использует. Упоминание речки вонючей, «. . . вот что у нас за садом течет. . .» (14, 120), снижает пафос рассуждений Смердякова о «высоких материях». Для сценки со спящей Лизаветой Смердящей трудно подобрать более подходящее место, чем заросли крапивы и лопушника в переулке, выходящем «. . . на мостки через нашу вонючую и длинную лужу, которую у нас принято называть иногда речкой» (14, 91). Самого Федора Павловича Карамазова, писателя, видимо, не случайно тесно связывает с этим ущербным пейзажем. Мы знаем, что «речка вонючая» течет за его садом, он — один из участников сценки с Лизаветой Смердящей, а Смердякова, порождение юродивой, молва считает его сыном.

Как и в других своих произведениях, в «Братьях Карамазовых» Достоевский при необходимости komponует в одном объекте признаки нескольких. Так, дом того же старика Карамазова, поставленный на месте дома писателя, в отличие от него одноэтажный, с мезонином (каким был, в частности, дом его хорошего знакомого И. И. Румянцева). Но интерьер дома старшего Карамазова во многом является интерьером дома Достоевского. Отсюда в доме Карамазова наличие «. . . разных чуланчиков, разных прятков и неожиданных лесенок»

(14, 85),¹³ старая мебель и проч. В усадьбе Карамазова, как и в усадьбе Достоевского, имеется баня, но беседка, в которой Дмитрий сторожит приход Грушеньки, перемещена на участок соседей.¹⁴ Сам же соседский сад имеет признаки сада Достоевских. У соседей «средина сада была пустая, под лужайкой. . .» (14, 96), в воспоминаниях А. Г. Достоевской «присутствовавшие направились в сад при моем доме, где *среди большой поляны* находился под полотняным навесом длинный стол. . .»¹⁵ (курсив мой. — Л. Р.).

Еще Н. П. Анциферов заметил: «Для Достоевского дом находится в какой-то органической связи со своим обитателем».¹⁶ Эта взаимосвязь последовательно выдерживается романистом и в «Братьях Карамазовых».

Место, где живет Грушенька, имеет точную топографическую привязку. «Ровно десять минут. . .» потребовалось Дмитрию Карамазову, чтобы дойти отсюда до чиновника Перхотина (14, 358), жившего «. . . почти через один только дом. . .» от лавки Плотниковых (14, 364). Те же десять минут требуются сегодня в Старой Руссе, чтобы пройти расстояние от б. дома Грушеньки Меньшовой (наб. Глебова, д. 25) до угла улиц Кириллова и Энгельса, где находилась во времена Достоевского лавка П. И. Плотникова. Но героиня романа в отличие от своего прототипа живет не в доме своей матери, а у купчихи Морозовой. Дома же купцов у Достоевского — это что-то громоздкое, безвкусное, но основательно построенное, и вместо довольно привлекательного особняка Меньшовых мы видим «. . . большой, каменный, двухэтажный, старый и очень непривлекательный на вид. . .» (14, 310) дом Морозовой. Подобен ему и дом купца Самсонова. Он «. . . старый, мрачный, очень обширный, двухэтажный. . .» (14, 333). Вспомним, что и дом купца Рогожина в романе «Идиот» «. . . был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвету грязно-зеленого» (8, 170). Иными красками обрисован в «Братьях Карамазовых» «. . . домик вдовы Красоткиной», матери Коли, в котором «живет она честно и робко. . .». Он «. . . небольшой, очень чистенький и снаружи и внутри. . .» (14, 462).

В некоторых случаях чем-то примечательные реалии пейзажа (и интерьера), с которыми писатель ежедневно сталкивается, как бы «заставляют» присмотреться к ним поближе, понять их глубинный художественный смысл. Такие реалии теряют первоначальную топографическую привязку, приобретают самостоятельное значение,

---

¹³ Потайная лестница в доме писателя — см. письмо Ф. Ф. Достоевского к матери «после 28 мая 1887 г.», л. 45 (ИРЛИ, 30364. ССХIII, б. I). Чуланчики, кладовки у жилых комнат («спрятки») — см. письмо А. Г. Достоевской к дочери от 1 сентября 1889 г., л. 30—32 (ИРЛИ, 30412. ССХIII, б. 8). См. также: *Рейнус Л. М.* Три адреса Достоевского. Л., 1985. С. 58—59.

¹⁴ Баня на участке Достоевских — см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 310. Беседка гнилая, которой дорожит Достоевская, см.: письмо П. П. Румянцева к А. Г. Достоевской от 7 октября 1898 г., л. 129 (ИРЛИ, 30241, ССХIII, б. 5).

¹⁵ *Достоевская А. Г.* Воспоминания, школа имени Достоевского // РО ГБЛ, ф. 99/П, к. 1, № 1, с. 587.

¹⁶ *Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. Пг., 1923. С. 92.

становятся неким художественным символом, позволяющим ярче оттенить характеры героев, их поступки, создать целостное впечатление.

Проходя Мининским переулком в своих ежедневных посещениях курортной читальни, Достоевский, еще не видя заболоченной «Малашки», чувствовал ее «отравленное дыхание». И у романиста, создававшего свое произведение, «переулок», «смрадный, вонючий переулок» становится символом чего-то грязного, плохого, нечестного.

Разговаривая с Алешей, Дмитрий раскрывает перед ним «темные переулки» своей беспутной жизни. «...я всегда переулочки любил, глухие и темные закоулки <...> там приключения, там неожиданности, там самородки в грязи. Я, брат, аллегорически говорю» (14, 100). Окрашенная чувством вины перед своей нареченной невестой Катериной Ивановной, страсть к Грушеньке у него также ассоциируется с «переулком». Сравнивая себя с Иваном, Дмитрий считает: «...но судьба свершится, и достойный станет на место, а недостойный скроется в переулок навеки — в грязный свой переулок, в возлюбленный и свойственный ему переулок, и там, в грязи и вони, погибнет добровольно и с наслаждением». «Потону в переулке, а она выйдет за Ивана», — говорит он далее (14, 108).

Диалог в беседе:

«— Да куда же ты пойдешь?

— В переулок.

— Так это к Грушеньке! — горестно воскликнул Алеша, всплеснув руками» (14, 109).

При встрече с Алешей по дороге к монастырю Дмитрий восклицает: «...я совершу подлый замысел, и будь ты вперед свидетелем, что я заранее и зазнамо говорю это! Гибель и мрак! Объяснять нечего, в свое время узнаешь. Смрадный переулок и inferнальница! Прощай!» (14, 144).

Дмитрий Карамазов и живет-то не случайно «недалеко от Озерной улицы в переулке». В контексте романа герой предстает человеком из «переулка», из которого он стремится, но ему не суждено выйти.

Дальнейшее развитие такого условного языка — раздумья Алеши Карамазова о Ракитине. Образами пейзажа в них выражена вечная этическая дилемма — выбор между «переулком», ложным путем, и светлой дорогой истины: «Ракитин ушел в переулок. Пока Ракитин будет думать о своих обидах, он всегда будет уходить в переулок... А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная, и солнце в конце ее...» (14, 326).

Для поэтики Достоевского характерна увязка обстановки, окружающей героя, с его личностью, настроением, поступками. В свете этого звеном в своего рода «системе закрепленных значений»¹⁷ предстают в «Братьях Карамазовых» некоторые предметы интерьера

¹⁷ *Евнин Ф. И.* «Живопись» Достоевского // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1959. Т. 18. Вып. 2. С. 132.

старорусского дома писателя. От прежнего его владельца, А. К. Гриббе, Достоевским досталась обстановка со «... старинною, тяжелою, красного дерева мебелью...».¹⁸ Подобного рода мебель, давно вышедшую из моды, сохраняли в основном люди пожилые. И Достоевский, вводя такую мебель в интерьеры героев романа, подчеркивает старость, обреченность ее владельцев.

«Старец уселся на кожаный красного дерева диванчик, очень старинной постройки, а гостей <...> поместил у противоположной стены, всех четверых рядышком, на четырех красного дерева обитых черною сильно протершеюся кожей стульях» (14, 37). Больной старец Зосима вскоре умирает.

В помещениях игумена «... мебель была кожаная, красного дерева, старой моды двадцатых годов...» (14, 78). Сам отец игумен «... был высокий, худоцавый, но все еще сильный старик...» (14, 79).

В зале дома Федора Павловича Карамазова «мебель была древнейшая, белая, с красною ветхою полупелюковою обивкой» (14, 113). Владелец ее был убит Смердяковым.

У Грушеньки «было <...> во флигеле всего три комнаты, меблированные от хозяйки древнею, красного дерева мебелью, фасона двадцатых годов. Когда вошли к ней Ракитин и Алеша, <...> Грушенька лежала у себя в гостиной, на своем большом неуклюжем диване со спинкой под красное дерево, жестком и обитом кожей, давно уже истершеюся и продырявшеюся» (14, 312). В доме же «... проживала уединенно сама хозяйка, старая женщина...» (14, 310).

Верх дома купца Самсонова состоял из множества комнат, «... меблированных по купеческой старине, с длинными скучными рядами неуклюжих кресел и стульев красного дерева по стенам» (14, 333). Самсонов, больной ко времени посещения его Дмитрием Карамазовым, впоследствии умер.

Наряду с пожилыми владельцами «роковой» мебели причастным к ней оказался и лакей Смердяков, «человек еще молодой, всего лет двадцати четырех...» (14, 114). Не найдя в Иване Карамазове своего союзника, он решает на самоубийство и, как бы предшествуя этому, в комнате, в которой он жил, произошли «... некоторые перемены: одна из боковых лавок была вынесена, и на место ее явился большой старый кожаный диван под красное дерево» (15, 58). Кроватью для больного Смердякова, видимо, не случайно явилась именно такого рода мебель.

Сказанное выше дополняет наблюдения Н. М. Чиркова,¹⁹ давая еще один пример использования в «Братьях Карамазовых» тревожащего воздействия красного цвета.

Раньше мы уже говорили о важном для Достоевского ощущении доподлинности, которое должны были вызывать его произведения.²⁰

¹⁸ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 311.

¹⁹ *Чирков Н. М.* О стиле Достоевского. М., 1963. С. 120—121.

²⁰ *Лихачев Д. С.* В поисках выражения реального. С. 5.

Роман «Братья Карамазовы», как и его петербургские произведения, также вызывает это ощущение. Оно зависит, видимо, и от того, что пейзаж реального города, входя необходимой составной частью в созданное романистом произведение, подчеркивает его художественную целостность, помогает насыщать роман необходимым «реквизитом», находить выразительные штрихи, соответствующие идейно-художественным задачам романа. Ощущению узнаваемости пейзажа способствует и мастерство писателя: неоднократные повторы в различных вариациях одних и тех же мест, вначале более подробное их обозначение, затем — беглое упоминание, все же достаточное для узнавания их читателем.

К примеру, уже в начале романа мы узнаем маршрут пьяной компании, пробирающейся из клуба домой. Напомним его: «. . . одна хмельная ватага разгулявшихся наших господ, человек пять или шесть, возвращалась из клуба „задами“ по домам. По обе стороны переулка шел плетень, за которым тянулись огороды прилежащих домов; переулок же выходил на мостки через нашу вонючую и длинную лужу, которую у нас принято называть иногда речкой» (14, 91).

В этом отрывке даны во взаимосвязи основные элементы часто упоминаемого района: пустынный переулок, мостик через вонючую речку, сама речка, «зады». В дальнейшем изложении, бегло упоминаемые, эти элементы пейзажа вновь и вновь напоминают о себе читателю, создавая у него впечатление их узнаваемости, реальности событий, описанных в романе. И эта цель достигается, чему свидетель — Анна Ахматова, написавшая в стихотворении, посвященном времени Достоевского (1945 г.):

А в Старой Руссе пышные каналы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем. . .²¹

В заключение можно утверждать, что реальный пейзаж, нашедший отражение в «Братьях Карамазовых», был не просто основой для создания пейзажа «Скотопригоньевска», но сохранил для писателя и другую, глубинную связь с романом: здесь, в Старой Руссе, также могли произойти события, подобные описанным в «Братьях Карамазовых». В этом провинциальном городке жили многие из прототипов его произведения (брошенная женихом Грушенька Меньшова, купец Кузьма Самсонов и др.), имели место явления, созвучные идее романа (жившее поблизости «случайное» семейство старорусских фон Зонов, отцеубийство, заинтересовавшее писателя).²²

²¹ Ахматова А. А. Северные элегии. Первая // Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 328—329.

²² См.: Рейнус Л. М. 1) Достоевский в Старой Руссе; 2) Три адреса Достоевского.